

АЛЕКСЕЙ ГРОМОВ: «ЕВРОПЕЙСКОЕ ЭМБАРГО НА РОССИЙСКИЕ НЕФТЕПРОДУКТЫ СТАНЕТ СЕРЬЕЗНЫМ ВЫЗОВОМ ДЛЯ ОТРАСЛИ»

Об актуальных событиях на нефтегазовых рынках «Нефтегазовая вертикаль» побеседовала с Алексеем Громовым, кандидатом географических наук, главным директором по энергетическому направлению, руководителем Энергетического департамента Фонда «Институт энергетики и финансов».

НГВ: Куда будут экспортироваться российский газ и нефть в 2023 году? Какие объемы уже точно будут востребованы зарубежным рынком?

А. Громов: Как вы знаете, в настоящее время около половины экспорта российской нефти и до 65% экспорта российских нефтепродуктов находятся под уже введенными

ми санкциями со стороны США, Канады, Великобритании и Австралии, либо в условиях ожидания вступления в силу соответствующего эмбарго ЕС (с 5-го декабря на морские поставки российской нефти, а с 5-го февраля следующего года – и на поставки российских нефтепродуктов).

По сути, России необходимо перенаправить на другие экспортные рынки до 2,5 млн барр./сутки поставок нефти и примерно 1,8 млн барр./сутки экспорта нефтепродуктов.

За восемь месяцев, прошедшие с начала СВО на Украине, российским нефтяным компаниям удалось переориентировать, в первую очередь, на рынки азиатских стран свыше 1 млн барр./сутки поставок нефти. Главными покупателями стали Индия и Китай, которые в совокупности примерно вдвое нарастили закупки российской нефти, по сравнению с прошлым годом. Кроме того, в июле-августе российские компании начали выходить на рынки Африки (Египет), Шри-Ланки и Юго-Восточной Азии, что в среднесрочной перспективе может повысить устойчивость российского экспорта.

Однако риски сокращения экспорта российской нефти примерно на 1 млн барр./сутки (-20% к уровню 2021 г.), как минимум, в начале 2023 года остаются. В дальнейшем мы ожидаем постепенного восстановления экспорта за счет дополнительного замещения ближневосточной нефти на рынках стран Юго-Восточной Азии.

Значительно хуже обстоят дела с перспективами перенаправления экспорта нефтепродуктов, поскольку свободных рыночных ниш, сопоставимых с европейским рынком, в мире просто нет.

Поэтому европейское эмбарго на поставки российских нефтепродуктов с начала февраля 2023 г. станет самым серьезным вызовом для отрасли за последние 30 лет.

Однако из-за высокой загрузки НПЗ в странах ЕС, США и регионе АТР и существующих на рынке структурных дисбалансов (высокий спрос на дизтопливо в ЕС, использование котельных топлив для блендинга в США.), более вероятным является не уход российских экспортеров с этих рынков, а перенаправление поставок.

Россия может увеличить экспорт нефтепродуктов в АТР, страны Ближнего Востока и Южной Азии, а производители нефтепродуктов из этих стран, в свою очередь, увеличат отгрузки в ЕС и США.

Вместе с тем, мы ожидаем, что после начала действия европейских санкций экспорт нефтепродуктов из России в начале 2023 года может упасть на 30% в годовом исчислении, при этом главные сложности возможны с экспортом российского дизтоплива и нафты.

Отдельный вопрос – экспорт российского трубопроводного газа, против поставок которого, казалось бы, не введено никаких ограничений. Тем не менее, из-за проблем с украинским транзитом, блокировки Россией использования газопровода «Ямал-Европа» и, наконец, из-за диверсий на «Северных потоках» поставки российского

газа в страны ЕС только по итогам этого года могут сократиться более чем в два раза, по сравнению с 2021 г. (с 145 до 70 млрд м³), а в 2023 г. поставки в европейском направлении могут упасть до 30-35 млрд м³.

При этом ожидаемый рост поставок трубопроводного газа в Китай по газопроводу «Сила Сибири» (до 20 млрд м³ по итогам 2022 г.), а также некоторый рост поставок в Турцию, очевидно, не компенсирует потери на европейском направлении. И в дальнейшем нам будет необходимо найти решения по перенаправлению порядка 100 млрд м³ российских экспортных поставок на другие рынки и, в первую очередь, в Китай. Возможным решением в этом направлении также является инициатива Президента РФ по созданию инфраструктурных условий для переброски дополнительных объемов российского газа на черноморское направление и превращению Турции в крупнейший международный газовый хаб по торговле российским природным газом на европейском направлении.

НГВ: *Как долго азиаты будут поддерживать спросом наш экспорт, в контексте их намерений перехода на ВИЭ?*

А. Громов: С учетом того, что на мировых рынках углеводородов наблюдается очень напряженный баланс спроса и предложения, мы полагаем, что спрос на российские углеводороды в странах Азии будет устойчиво расти в ближайшие несколько лет. Развитие же ВИЭ в этом регионе будет ориентировано, в первую очередь, на постепенное замещение угля, а также обеспечение большей стабильности энергоснабжения стран региона.

НГВ: *По какой цене будет продаваться российская нефть, в контексте нового экономического механизма как «потолок цен» и санкционного давления? Какой дисконт для российской экономики критический? Как можно оценить маржинальность экспорта в конце 2022 года, а также в 2023 году?*

А. Громов: Вероятное введение «потолка цен» на поставки российской нефти в третьи страны со стороны стран «Большой семерки» и ЕС, начиная с 5-го декабря 2022 г., к сожалению, более чем вероятно. Представители финансовых властей США даже предложили уровень «ценового потолка» для российской нефти в \$60 за баррель (напомним, сейчас мы продаем нашу нефть по цене примерно \$70-75 за баррель с учетом действующего т.н. «санкционного дисконта»).

Вместе с тем, я уверен, что Россия не поддержит любой уровень «потолка» цен на свою нефть по принципиальным соображениям, поскольку введение такого механизма будет означать грубое нарушение основ рыночного регулирования мирового рынка нефти и создание опасного ПРЕЦЕДЕНТА, который потенциально можно будет применить против любого другого крупного нефтеэкспортера, например, Саудовской Аравии.

Таким образом, полагаю, что Россия просто остановит поставки в те страны, которые поддержат введение «ценового потолка», при этом мы сохраним практику предоставления нашей нефти покупателям с существенным ценовым дисконтом, а также, по-видимому, будем вынуждены перезаключать контракты на поставку нефти на менее выгодных для себя условиях, в частности переходя с контрактов типа FOB на контракты типа CIF. Напомню, что последние предполагают, что продавец берет на себя затраты на страхование груза и фрахт танкеров, а право собственности на нефть переходит к покупателю уже в порту ее окончательной отгрузки.

Риски сокращения экспорта российской нефти примерно на 1 млн барр./сутки (-20% к уровню 2021 г.), как минимум, в начале 2023 года остаются

Если говорить о доходности российского экспорта нефти и газа в этом году, то, несмотря на санкционное давление, российская нефтегазовая отрасль продолжает обеспечивать рекордный объем поступлений в бюджет. Так, в январе-июле 2022 г. суммарная доля доходов федерального бюджета от нефти и газа составила почти 53%, или 8,34 трлн руб., при этом отчисления в бюджет РФ от нефтяного сектора выросли на 37% (г/г), а от газового сектора – на 119% (г/г). Такой рост доходов бюджета связан, в первую очередь, с ростом мировых цен на нефть и природный газ.

Таким образом, мы вправе ожидать рекордных доходов от экспорта нефти и газа по итогам текущего года, однако уже в следующем году объемы нефтегазовых доходов бюджета неизбежно существенно сократятся, и нам надо быть к этому готовыми.

НГВ: Как вы оцениваете факт разрешения поставок российской нефти для Японии с проекта «Сахалин-2» до июня 2023 года? Почему такие преференции? И какие еще могут быть исключения из правил в рамках санкционных пакетов?

А. Громов: Для Японии поставки российской нефти с сахалинских проектов носят стратегическое значение для обеспечения ее энергетической безопасности, именно поэтому она выторговала себе полугодовую отсрочку от распространения «ценового потолка» на российскую нефть с сахалинских проектов.

Кроме того, утвержденный странами ЕС механизм введения «потолка» цен на российскую нефть, равно как и эмбарго, не распространяется на трубопроводные поставки российской нефти. Предусматриваются и исключения, позволяющие некоторым государствам-членам ЕС продолжать импорт нефти и нефтепродуктов из России «в связи с их особым положением или в случаях при-

остановки поставок нефти по трубопроводам из России по не зависящим от этих стран причинам». Также в случае необходимости обеспечить энергетическую безопасность некоторых третьих стран они могут быть также освобождены от выполнения требований по установлению ценового «потолка» на поставки российских нефтеналивных грузов.

НГВ: Каким образом должна быть сформирована логистическая инфраструктура, чтобы российские углеводороды можно было эффективно транспортировать по морю и суше, и что должно поменяться в сегменте переработки?

А. Громов: Тут много аспектов, которые необходимо учитывать, и в первую очередь необходимо расширять возможности по транспортировке российских углеводородов в восточном направлении, включая строительство новых трубопроводов, расширение провозных мощностей железных дорог и портовой инфраструктуры. Также необходимо продолжать наращивать инвестиции в развитие Северного Морского Пути и укреплять международное сотрудничество с Ираном и Индией в части развития международного транспортного коридора «Север-Юг».

Представители финансовых властей США предложили уровень «ценового потолка» для российской нефти в \$60 за баррель

НГВ: Эксперты отмечают, что, к примеру, российские ГПЗ почти не модернизируются, много проблем и с НПЗ, и с отсутствием больших нефтехранилищ.

А. Громов: Ну, в отношении российских НПЗ я не согласен с такой постановкой вопроса. В российской нефтепереработке с 2011 года реализуется масштабная программа модернизации и строительства новых нефтеперерабатывающих мощностей, благодаря которой мы сумели перейти на производство моторных топлив самых высоких мировых стандартов (Евро-5 и Евро-6). Другое дело, что текущие сложности с санкционными ограничениями на поставку из-за рубежа необходимых присадок и катализаторов несколько осложнили положение отрасли. Однако мы уже практически преодолели эту нашу зависимость от импорта зарубежных катализаторов, главным образом, за счет последовательной реализации программы импортозамещения в этом направлении. Так, если в 2014 г. наша зависимость от импортных катализаторов составляла почти 70%, то к началу текущего года упала до 20%, а в ближайшее время мы сможем полностью решить эту проблему и обезопасить российский рынок моторных топлив от каких-либо проблем с его обеспечением высококачественными нефтепродуктами российского производства.

А вот с нефтехранилищами в России действительно существуют, на мой взгляд, серьезные проблемы. Все мы видим, как в этом году США используют свой стратегический нефтяной резерв для целей регулирования ситуации на мировом рынке нефти, и, надо сказать, в последние месяцы у них это хорошо получается.

Мы же не располагаем соответствующими мощностями по хранению нефти и потому находимся в крайне высокой зависимости от ситуации на мировых рынках, реагируя на нее, к сожалению, только через механизмы сокращения добычи. Так было и в 2020 году, когда мы были вынуждены принять тяжелое решение о резком сокращении добычи нефти с целью стабилизации мирового нефтяного рынка в условиях сжатия спроса на нефть из-за ковидных локдаунов. Так, к сожалению, будет и в 2023 году, когда санкционное сокращение экспорта вынудит нас также сократить и объемы нефтедобычи.

Емкость действующих нефтехранилищ в России более чем в 20 раз меньше, чем в США, и уступает даже Саудовской Аравии, которая, казалось бы, не должна нуждаться в системе хранения нефти, учитывая ее лидерство в мировом экспорте нефти.

В 2020 году наш Институт совместно с Российским газовым обществом предложил создать в России систему подземных хранилищ нефти (в кавернах соленосных бассейнов в Центральном и Северо-Кавказском округе, а также в Калининградской и Астраханской областях) общим объемом до 120 млн м³, что соответствует возможности хранения до 100 млн т нефти.

Сокращение квоты на добычу в рамках Соглашения ОПЕК+ не окажет никакого влияния на добычу нефти в России

Сроки реализации первой очереди такого проекта (30 млн м³ с возможностью хранения до 25 млн т нефти) составляют от трех до пяти лет при сравнительно скромных затратах на строительство в объеме до \$1 млрд.

Капитальные затраты для создания подземных резервуаров по хранению нефти в большем объеме (60, 90 и 120 млн м³) в пяти подземных хранилищах составят, ориентировочно от 140 до 216 млрд руб., что соответствует удельным капитальным затратам от \$5,4 до \$3,8 за баррель хранимой нефти.

Много это или мало? Модель оценки выгод от создания подземных хранилищ нефти – это, по сути, страховая модель, где постоянные затраты на поддержку определенного уровня свободных мощностей для хранения обеспечивают защиту от негативных шоков нефтяного рынка (в части минимизации дополнительных затрат, связанных с остановкой добычи на действующем фонде добычных скважин).

В 2020 году Минэнерго России отказалось от рассмотрения этой идеи, посчитав, что сроки ее реализации не позволяют решить проблему текущего момента, связанного с кризисом спроса из-за пандемии коронавируса. Но через два года ситуация повторилась, правда, по другим причинам, и мы снова оказались к ней не готовы...

Так, может быть, сейчас самое время для принятия действительно стратегических решений, которые бы позволили существенно повысить долгосрочную гибкость российской нефтедобычи в быстроменяющихся внешних условиях?

После начала действия европейских санкций экспорт нефтепродуктов из России в начале 2023 года может упасть на 30% в годовом исчислении

НГВ: *Какие перспективы России в рамках сделки ОПЕК? Какова дальнейшая роль ОПЕК в мире? Как Вы думаете сколько еще просуществует этот регулятор?*

А. Громов: Я считаю, что идея Соглашения ОПЕК+ в декабре 2016 года была одним из самых удачных решений в контексте обеспечения стабильности работы мирового нефтяного рынка. И Соглашение не раз доказывало свою эффективность на протяжении последних пяти лет. Поэтому я уверен, что его участники приложат все усилия для сохранения этого формата взаимодействия стран-нефтеэкспортеров, как минимум, в перспективе ближайших нескольких лет.

Как известно, 5-го октября страны ОПЕК+ официально согласовали сокращение добычи странами-участницами Соглашения на 2 млн барр./сут., начиная с ноября. При этом большинство участников Соглашения ОПЕК+ сейчас перевыполняют свои обязательства по сокращению добычи нефти. В августе для членов ОПЕК добыча была ниже установленной квоты на 1,4 млн барр./сут. Если добавить сюда другие страны ОПЕК+, в т.ч. Россию, то уровень перевыполнения добычных квот вырастет до 3,6 млн барр./сут.

Таким образом, реальное уменьшение квоты в ноябре окажется меньшим, потому что часть стран фактически уже сейчас перевыполняют и ноябрьскую квоту. По нашим расчетам, реальное сокращение добычи странами ОПЕК+ в ноябре составит примерно 0,9 млн барр./сут., из которых почти половину обеспечит Саудовская Аравия (0,4 млн барр./сут.).

При этом сокращение квоты на добычу в рамках Соглашения ОПЕК+ не окажет никакого влияния на добычу нефти в России, поскольку ноябрьская квота подразумевает, что Россия должна добывать не более 10,5 млн барр./сут. при том, что текущая добыча нефти в России находится на уровне 9,75 млн барр./сут. ❏